

Илья Кнабенгоф

Орган внутреннего сгорания

цикл стихов на тему философии, теософии и мироздания.

*«В мире нет таких правил,
чтоб стихи были с рифмой!» (с) о. Николай (Кокурин)*

Титры

Чего ты ждёшь?
Ведь всё уже прошло.
Всё сзади, в пыли пройденных дорог,
Мяучит и зовёт.
Скребёт по сердцу мышь
На адрес тех, кто ждал благословения,
Но тронулся с вокзала кораблём пустым.
Сжигаются напалмом уютные сиденья,
За дверью тишь,
И входа нет «другим».

Всё за спиной:
Стреляющая кровью сердца страсть,
Луне и чудесам предвосхищение.
Я в ледяном,
Покуривая пряную полынь,
Жду в очереди брачной извещения,
Приказом лязгнувшую угольную пасть.

Отравленным вином на дне сиротской кружки
Мне в руки ляжет разгорячённая карга -
Среди тузов предатель – пиковая масть.

И успокоюсь.
Мои призраки уйдут,
Забрав свои с крючками инструменты,
Что боль тянули с сердца моего,
И спать мне не давали.
Киноленты
Закончится занудной полоса.

Мы связки будем рвать,

А Птица Счастья
Лишь крыльями помашет, улета.
Хрипота
Вдруг обернётся гнетущей тишиною.
Всё. Пока.
Мой уголь остывает.

Ни пауз, ни конца у Жизни сериала.
Едва лишь титры у судьбы моей
Закончишь ты читать,
Как пред глазами «Боже представляет...»,
И новое название нового кино,
И вновь ночей не спать,

И снова в бой, круша мечом двуручным.
Как встарь, тебя нести домой подручным,
И на крыльцо тошниться, а попросту - блевать.

Сколь наизнанку себя не выворачивай,
В следы оставленные харкая собой,
Там, где конец – всегда начало будет,
Куда ты не сворачивай.
Я остаюсь навеки с вами.
Так оставайтесь же со мной!

Хокку о Майе

Пуст карман.
В голове обман.
Всё иллюзорно.

Самопричина

Пройдёт ли лета яркий звук?
Уйдут ли осени закаты?
Уж сложим ли мы наши латы,
Согбенные, как старый лук?

Заменит импрессионизм пастель,
Потухнет акварель эмоций,
И вместо чётких выверенных лоций
Один маяк в ночи нам будет –
Кришны звонкая свирель.

Зимы пройдёт ли тишина?
Весны уйдёт ли превращение?
В конце недели воскресение
Последним будет днём,
А не чудес мгновением Христа.

Глазами полными мольбы,
В отчаянии рот открыв беззубый,
Сквозь мутное стекло угрюмый
Взор устремлён во двор без детворы.

Ошибка где совершена?
Где ключ потерян среди улиц?
Зловещей тайной чёрных куриц
В мир без веселья дверь открыта быть обречена.

Как не сумевший пламени разжечь,
Как потерявший азимут заветный,
Так не увидишь след невидимый секретный,
Так не найдёшь и не поднимешь
Потерянный в траве свой меч.

Звезду не разглядев в себе,
И не найдя в себе причины,
Не сбросив лживые личины,
Откроешь путь своей беде.

Улыбкой встретит свой предел
Тот, кто узрел в себе дорогу,
Кто мир позвавши на подмогу,
Остался при мече, силен и смел.

Кто сердце утаил от лжи,
От пасти Алчности зубастой,
От Похоти улыбки страстной,
Тот сохранил свой дух над пропастью во ржи.

Пройдёт ли лета яркий звук?
Уйдут ли осени закаты?
К чему слова, ведь знаешь сам ты –
Зависит это от Тебя, мой друг.

И шах и мат

Умойся солнцем.
День, когда мы были,
Ещё не раз воспрянет утром ото сна.

Всё повторится.
Мой первый шаг и первое «агу»,
Обида первая и удивленная слеза
Предательства, свершившегося ныне,
Где я узнал, что смертен.
И всё как было, так и будет впредь.

И вновь меня зовут не то Илья,
Не то Илия или Инго...
К чему все эти ярлыки?
В великосветском казино миров
Смерть постоянно вытягивает «бинго!».
И хлопают в ладоши слуги Тьмы.

Извечный парный сэт игрушки мироздания.
И есть ли, кто выигрывает в ней,
Не зная правил и приёмов ловких,
Подкрученных подач и козырей?

И каб не скука предначертанных побед,
Едва ли б мы с тобой на свете появились тут.
Смерть благодушно ставя мат за матом,
Торопит нас: «Седлайте, торопитесь, кони ждут!

Сыграем в вашу Жизнь ещё разок скорей!»
Над «и» поставим точки все в вопросах!»
И окрылённые, кидаемся мы в омут жизни вновь, а вслед
Нам звёзд холодных свет переливается на косах.

Необратимость

Была бы раем жизнь земная, право,
И в радость утро каждое цело
И пело, если бы вы только
Хотя бы замечать могли порою то.

Так быстро вы теряете дары,
Так быстро волшебство из вас уходит,
Как море в воду камни снова гонит,
Где в пыль безвестную стираются они.

Сегодня рады вы тому, что рядом с вами,
На завтра же сей дар привычным обернётся,
И вот уже и сердцу не поётся,
С того, что вам вчера казалось только сном.

Сверкающее Завтра обещанием
Дождя чудес вас манит неустанно,
На дудочке играя рьяно
Слова о том, что всё исполнится потом.

И иногда мне кажется, что Бог
Устать бы должен, вам подарки предлагая.
Элементарной благодарности от века
Лишь единицы слово изрекли, не забывая,
Что скоротечно благ земных преподношение,
И не вернуть потерянного вам.
Ни дома теплоту, что приютил вас,
Ни слова доброго, ни хлеба пополам.

Не возвратить дыхание любимых,
Что рядом с нами есть, пока мы спим,
Как не вернётся детства яркий всполох,
Так первый поцелуй необратим.

Нам невозможно повторить былое,
И то, что им становится сейчас.
В погоне за бесчисленным желанием
Слепы к тому, что окружает нас.

Мы - злые и бесчувственные дети,
Заворожено смотрим в тёмный лес,
Махнув рукой на то, что лишь едва ли
В миг прошлый к нам пришло, сойдя с небес.

Дай, Бог, терпения тебе и милости твердыни,
Будь снисходителен – мы малы и глупы,
И за себя прошу: дай мне такой же силы,
Чтоб всё нести другим в поклоне головы.

И в час, когда я мерой забываюсь,
Ты за плечом за левым тихо кашляни,
Чтоб улыбнулся я опять, лик Смерти вспомнив.
И так как можно чаще заходи.

Двери к Лотосу

Дай, Воля Божья, мне раскрыть объятья мира,
Дай насладиться невиданной зарёй,
Услышать запах звёзд, и медленно, красиво
Шагнуть по полю под оранжевой луной.

Дай, Господи, мне сил открыть ту тайну,
Что за семью печатями лежит у наших ног,
Что не дает покоя мне от самого рождения.
О, если б только я краем глаза мог
Во тьме узреть прекрасной вереницы
Миров сверкающих цветную карусель.
Зайти за край и по тропе из лун
В Путь двинуться, врата сорвав с петель.

Тоскует дух и хочет утоления
Познания жажды до тайны неземной,
И бьётся в клетке тела, ополоумев, сердце,
Сжигая лёгких кислород. Кричу ему: «Постой!

Не торопись ты так, считая дни и ночи
И не спеши, к гибели стремясь!
Дай время мне, и я всё ж догадаюсь!
Найду пароль!» С небес не торопясь
Ажурное сорвётся покрывало,
Падут на Землю звёзды, и тогда
Все существа планеты в одночасье ахнут,
Увидев свет миров Веретена.

Над головами их распухнет цветок,
Прекрасный Лотос с лепестками без числа,
Где в каждом лепестке, вняв Божьей колыбельной,
Вселенной сфера спит под одеялом сна,
Творит внутри себя чудное сновидение
И множит призраков в кругу пустых зеркал,
Заворожённая игрою отражений,
Не зная, Кто игры причиной стал.

Там я средь лепестков погожим летним утром
Босыми шлёпаю ногами, стирая дрёму с век.
Ополоснув лицо, я выхожу на кухню
Позавтракать и вновь начать разбег.

И впопыхах футболку наизнанку
Надев, я выскочу на улицу в июль.
И снова окружит меня делами
Иллюзии земная кружевная тюль.

Свои решая в упоении проблемы,
Я лишь одним от многих отличаюсь:
Там, в глубине, в груди, на дне своего сердца
Я ни на миг ничуть не забываюсь.

И кружится незримо надо мною
Цветок миров, слепящий Лотос Мироздания,
И трепет лепестков его до дрожи пробирает,
И хором голосов тревожится сознание.

Так я средь будничных забот надеждою живу
Найти ту дверь, что небеса скрывает,
Чтоб в миг единый для людей её открыть
И Свет впустить, что очи сердца открывает.

Поезд Жизни

Надеешься ли ты увидеть осени цвета?
Насколько помнишь ты цветы полей, что детство окружали?
Уверен ли, что завтра рано утром
Тебе в служении ноги не откажут?
И держишь ли в уме слова, что ветром дня вчерашнего
Сквозь ночь принесены будут тебе и Слово скажут?

О, как зыбки твои надежды, человек!
Как память коротка! Сколь необузданно внимание!
Как над печалью ты своей контроля не имеешь,
Так жалкими потуги предстают
Желанием сокровенным управлять,
Иль множить для того старания.

Как скоротечен век твой и поступь как легка,
И чемодан твой десятиной полон.
Лишь от вокзала тронулся вагон, как ты уже приехал,
Ремнями алчности к сидению наглухо прикован.

Что видел ты в дороге, в окнах поезда того?
Какие лица виделись тебе в стекле немытом?
Платил ли за бельё иль ехал непокрытым?
Нашёл ли средь соседей знакомого кого?

Какие книги ты читал под стук колёс вселенной?
С кем и о чём вёл спор до хрипоты?
А может в тамбуре прикуривал ты от одной другую,
Иль мускулы качал, от полы отжимаясь, ты?

Оборотись на путь свой - конечная близка!
Глазами, от пыли дорог прищуренными, посмотри назад.
Что смысл и значение воистину имело там?
Ответом будет верстовых столбов нестройный ряд,
Да рельс кривых проложенная гать,
Да тайн исполненные в сумраке леса.
Лукаво усмехнётся, убитое тобою на пустое, время,
И хриплый окрик о прибытии на вокзал невыспавшегося
проводника провозгласит, что ты уже приехал.

Плоды

Зачем следы своих ботинок
Оставить хочешь на планете сей?
К чему тебе плоды исканий?
Не лучше ли искания самого
Безудержная вереница дней?

Лишь вспомни, как глаза горели,
Сколь были легкими шаги,
Когда ни в раз не обернувшись,
Кричал «Найду!», и ветер на ухо
Тебе шептал «Найди!..Найди!...»

Зачем ты копишь достижения?
Кому что хочешь доказать?
Неужто думаешь, что результаты эти
Помогут тебе счастьем обладать?

Вот был студент, в груди сердечко пело,
И жмурилась душа от перспектив дорог,
И тысячи открытий они ему сулили,
И тысячи друзей, чудес, прекрасных мест
И километров.. пройти бы столько мог!

И вот сидит профессор с усмешкою сарказма,
Вздыхнув, он вам речёт устало, раздражённо:
«Ох, дорогушечка, я всё уже прошёл!»,
а на него Господь взирает сверху изумлённо.

Подумай-ка внимательно, дружок,
Что ты расскажешь, коли встретишь друга?
Опишешь приключения в пути,
Или предъявишь взору чушь,
Которая венцом дороги той явилась? Ха! Разлука

Мечты и достижения
слепым рисует времени тропу!
Кто видит – знает: нет радости у духа,
Что цели преходящей жаждал и вмиг её обрёл,
Как счастья нет тому,

Кто накрепко привязан умом своим к плодам
Той деятельности, что жизни смысл давала.
Живите тем, конца у чего нет и нет начала,
И радуйтесь бесцельному тому!

Кинолюбитель

Учитывая праздности событий,
Я в ус не дую, всё валяя дурака.
И благодарен Богу за свободу
Определять часы, когда вставать пора.

Не покривив душой хочу заметить:
Не лень моя тому причиной стала,
А внутреннее чувство совершенства
И невмешательства, чтоб «я» не помешало

Устраивать события и даты
Единству изначальному природы, как то:
Менять прогноз погоды, и самому решать –
Споткнуться ли сегодня соседскому мальчишке,
Иль беспрепятственно до школы добежать.
Кто я такой, сующий вечно пальцы?!
Что я такое, чтобы мнением обладать?!
Я – зритель в комфортабельном уютном зале,
Кому решила Тайна свою кинокартину показать.

Я ем попкорн и запиваю кока-колой,
И мимо взора моего проносятся года.
Сменяются вожди, сменяются народы,
Рок-звёзды, мода, книги и ветра.

Сюжет закручен лихо, я согласен!
Фильм ужасов сменяется романтикой любви.
Коленки в пляс!
Нетерпеливо бьётся сердце!
А ведь едва ли тридцать лет, как в зале свет погас.

Являясь меломаном, кинокритиком,
Любителем сверкающих чудес,
Постиг своим умом занятную штуковину:
Тем поплохело, кто пальцем нагло лез
Менять течение рек на том экране,
Кто под себя пытался повернуть,
Набрать воды пытался из глубин водоворота,
В карман себе натырить, кусочек пирога куснуть.

Лишь изредка, как в «двадцать пятом» кадре,
Вдруг выпадает розыгрыш лото,
И цифра моего сиденья в зале
Небрежно произносится киномехаником в окно.

Я поднимаю бровь, критично щурю глаз,
Приподнимаясь, спокойно отвечаю:
«Идёт всё как по маслу! Мне нечего добавить.
Что ж, можно продолжать.» И Бог в ответ:
«Отлично! Продолжаю!»

Дым над водой

Дом... Озеро...
Скитания окончены...
Он утвердился в правоте своей.
Он ловит рыбу,
Паспорта просрочены,
Качает лодку, куры у дверей...

Страховка... деньги...
Медицинский полис...
Все брошено в той жизни, что ушла
Жмет на педаль
От просветленья к просветленью
И тормозит ход жизни время у руля.

Все замерло...
Закат умылся в заводи...
Ондатра плещется и фыркает, смеясь...
Стекло... Свеча...
Окошко с поволокою
И в мысли о служении утвердись,

Шаман уходит,
Тело оставляя,
В долину духов Силы попросить
Писк комаров
Его сопровождает
Вот если бы они смогли испить

Всю горечь мира,
Яд глупости нелепой,
Как черную дурную кровь болот.
Но их судьба
Мешать средоточению,
И мельтешить пред створками ворот.

Дом... Озеро...
Карелия безбрежна.
Течет шаманский дух как дымка над водой.
Весь этот край живет его молитвой...
И Силою, что взор хранит пустой.

Лунный хищник

Укрыты снегом лапы мощных елей,
Планета-спутник оттеняет светом темноту
И я, на поручень локтями оперевшись,
Под стук неровный блюзовый колёс
Крадусь по полотну.
Подслеповатой птицей тепловоз
Петляет, выжигая светом фары
Свой путь среди чернеющих озёр,
И сердце вечным «точка и тире»
Мне шепчет «кабы...»...

Кабы мне силы дал Хозяин,
Чтоб на луну смотреть я мог,
Спокойно вынося зеркальный свет тот лживый,
И чтоб душа моя не выла,
Как одинокий волк.

И чтобы вспоминал я хладнокровно
Те лица, что покинули меня,
которым не судьба мне больше улыбнуться,
Что выложили мне собой дорогу,
Жизни не щадя.

В такую ночь мне хочется быть рядом,
Чтоб уберечь оставшихся в живых,
Мне хочется остаться взглядом,
что будет предостерегать вовек
Друзей моих.

Чтобы тянулись к Знанию и Свету,
Чтобы бесстрашно каялись всегда,
И чтоб рука их отдыха не знала
В служении Богу, что открывает нам
Ворота в небеса.

Чтоб имена их в сказках и легендах
Светили ярко вновь вступающим на Путь.
Чтоб не просили, чтоб давали даром,
Чтоб испарялась в сердце
Неуловимая для пальцев страха ртуть.

Чтоб мимо Звездного Пути нога не оступилась,
И «остальными» чтоб не стали никогда.
А то спросил я как то: « а как же остальные?»
И мне Монахова сказала Катерина:
« А остальными кормиться луна!»

Просветление

Навалится тоска...
Бывает так, ты знаешь...
Всё станет просто белым
И никаким слегка.
Уставившись на стену,
Здесь можно жить лишь тиканьем
Однообразно ломаным
До стука у виска.

Картины проходящие
Сквозь веки полусонные...
Всё ни о чём, и в частности
На мокрой мостовой
Подпрыгивают мячики,
И девочка в сандаликах
Через резинку прыгает,
И пахнет той весной,

Где в шортиках я сам
По лужам бодро прыгал,
А мама из окошка
Кричала мне «домой!».
Где под стенами школы
Резвился я с ребятами,
Мелкими разноцветными
Писал на мостовой.

Стою и понимаю,
Что в вечности космической
Никто не помешает мне
Играть сколь я хочу,
И я до посинения
Могу сидеть в песочнице,
Что жизнью называется,

И что вперёд качу

Я шар своего времени,
И нету остановок
На тропах, мною выбранных,
И края тоже нет.
И помешать мне в этом
Никто теперь не может,
И звать меня уж некому:
«Домой! Остыл обед...»

У Бога за пазухой

Бежать, горбатиться, слоняться...
Снегами, тундрами, лесами...
Забывать про вилки и тарелки,
Подножно на ходу питаться.

«До бани» отослать прогресс,
забить на плод цивилизации,
всеобщий дух стерилизации
которой мечется, как бес.

Оставьте мысль упаковать
Свою природу в «тетрапаки»,
Чтоб щуки, лебеди и раки
Смогли бы тему столковать,

И покатить судьбы телегу
На процарапанный маршрут,
Что режет космос бороздою,
Планеты метя там и тут,
Как кот пределы территорий.
Что с нами, мама, происходит??!
Кто за язык нас тянет в ночь?
Не докричатся, не помочь.

Пакеты в мусоропровод уходят.
Мы остаёмся в неглиже,
Лишь только что родившись снова,
И голыми ныряем в смерть.
Химозо-пластика корона
Лежит на нашей голове.

С плакатов Маугли хохочет.

Об одиночестве в мечтах,
Отшельника благословляя карму,
Нас в целлофановых карманах
Проносит черед жизнь Аллах.

Лжеучителя

Ура! Я в ужасе! Скитальцы
Несут мне рублища на пальцах.
Горят знамёна в небесах.
На лицах суеверный страх,
И серой изморозью утра,
В клубок свернувшись, Камасутра
Лежит в степи койотом и храпит.

Доколе будет истязание
Умов незрелых, суетливых душ?
Кипит наш разум, возмущённый всею.
Оркестр Глупости грохочет туш,
Где вера с красными от ярости глазами
Без понимания лбом летит
На стену Зеркала Расправы.

Се лжеучителей отравы
В кадык стучится детворе,
И в себялюбии гордыне,
В дешёвой алчной суете
Одна дорога в ад им, право,
Что выстроен своим же ртом.
Всё поделом и всё во благо.
Вовек веков стою на том.

И слово Истины досель
Идёт, минуя дядей умных,
Себе намерявших права.
Над ними в хохоте звезда
Сияет подвигу безумных.

(с) 2005

Четвёртая жизнь

Четвертый уровень любви
Сломает сетку Интернета.
Под ржавой черепицей крыш
Проснётся сонный человек.
Журналы на его столе
ликуют чистыми листами,
посуда белизной играет,
и цифрой «ноль» сияет чек.

И протерев глаза от сна,
Он встанет голышом с кровати,
Нисколько ночью не помятой.
Пройдёт на кухню и тогда
Услышит камень тишины,
Пращём запущенный в зените.
Лукавую улыбку стен
Увидит он, и от окна

Отпрянет, осознав на миг,
что танец лёгких остановлен,
и снится сон в груди его
ди-джею сердца. Кончен бал.
Разводят небеса мосты.
Таможни опустив шлагбаум,
В оранжевой жилетке ангел
Лоб утерев, фуражку снял.

Деревья сеткою ветвей
Измерят вертикаль пространства.
В полёте замершие птицы
Поставят точку в облаках.
В наклоне маятник часов
Зависнет вечным «пол восьмого».
Стоп-кран опустит карусели
Руки неизмеримой взмах.

На побелевшем потолке
Проступят синим светом буквы,
Читать внезапно разучившись,
Им улыбнётся человек.
В оцепеневшем сентябре,
Оставив сложенной одежду,

он тихо выйдет из подъезда,
чтоб не вернуться уж вовек.

В замёрзшей глыбе льда времён,
Затихших в нервном ожидании,
Сев на трухлявую скамейку,
Он вспомнит имя, позовёт.
Так в доме, что напротив, дверь
Откроется волшебной тайной,
И Бог, что был всегда соседом,
К нему со смехом подойдёт.

Картины

Покуда кровь бежит по жилам крепленным вином,
Пока начало стиха не определилось с концом,
Ещё могу я, уточняя стиль экстремального вождения,
Всю жизнь прожить в воображении.

Доселе мест не видя этих, я мог рисовать
Только круги на воде, с каких движение начинать
Миры стремились, свои кубики построить,
секунду времени удвоить.

Ни почему растут деревья, и с неба вода
Стремится в землю без причины. Без цели луна
Гоняет тяжестью своею по волнам балет цунами,
Да по лесам поёт волками.

Из ниоткуда окончание картине придёт,
И в бездне дух по-над водою продолжит полёт.
Он ноту новую среди пустоты услышит,
Кругами новый мир напишет.

Служители Господни

Ревнивы, Господи, служители твои,
Без меры алчные, всё нимбы примеряют,
И тянет одеяло каждый на себя,
Да то, что ты ОДИН – в упор не догоняют!

Притча «Луна и Пантелеймон»

Из калитки на прогон
Вышел в ночь Пантелеймон,
Перед сном вкусить прохлады
На дорогу вышел он.

Не видать ни зги кругом,
Лишь окном мерцает дом,
За спиной его моргает
Заповедным маяком.

Только белый глаз Луны
Зорко смотрит с высоты,
Да вороны шумно кружат,
Каркая средь темноты.

«Ты чего, Пантелеймон,
В ночь попёрся на прогон?» -
Позади Пантелеймона
Вдруг раздался бабий стон.

«Неспокойно, Маня, мне, -
Буркнул он под нос себе, -
А конкретного ответу
Я, изволь, ни бэ ни мэ!

Только чую я на раз;
Слишком хитро бесов глаз
На меня упёрся с неба,
Сглазить хочет сей же час!

Услыхав, Луна, такое,
В изумление немое
Оскорблённая пришла.

«Я, Пантелеймон, от века
Освещала человеку
Путь до дома до его!

Как бродил ты пьяный, вспомни,
Как униженный и скромный,
Осветить пути просил!

А теперь по настроению,
По дурному наваждению,
Проклянуть меня решил?

Будет по словам твоим,
Языком твоим дурным
Изречённым, се послужит
В назидание другим!

Света моего вовек
Не увидишь, человек!
В том лекарства не помогут,
Не спасёт и оберег!

Вместо слов благодарения
Коли произнёс хулу –
Всё, что сказано – вернётся,
Да на голову твою!»

Охнул тут Пантелеймон;
Всё растаяло, как сон!
Стало всё чернее чёрта,
Что в бутылке видел он.

В непроглядной темноте
Некуда ступить лапте!
Испарилось и похмелье,
Отступив в такой беде.

В землю лбом, упав в поклон,
Зарыдал Пантелеймон:
«Ты прости меня, светило,
Сорри, дык сказать, пардон,

С похмела в уме моём
Помутился водоём!
Лишь пиявки с комарами
Празднуют веселье в нём.

Мысли все сгруппировались,
И оттудова подались,
Чуть лишь ветер дунул в уши,
Вылетели все! Послушай,

Возвернись ко мне, Луна,
Нет мне жизни без тебя!
За дурное оскорбление
Послужу тебе сполна!»

Лик Луна открыла чуть.
В темноте стал виден путь.
От мужицкого от сердцу
Отступила страшна жуть.

«Я отходчива, родной.
Коли дюже дорогой
Оказалась для тебя я,
Будешь любоваться мной.

Только помни, Пантелей,
Среди бега серых дней,
В полнолуние я буду
Звать тебя к суду теней.

Всё от вас им знать дано.
Даже сердца твоего
Мыслей самых сокровенных
Дно для них освещено.

Коль забудешь ты хоть раз
Слово, что скажу сейчас,
В миг мне тени всё расскажут
И исчезну я тот час!»

Слушаю тебя, Луна, -
Молвил Пантелей тогда.
Лунный свет залил округу
И произнесла она:

«Глуп ты, Глуп, Пантелеймон!
Невдомёк тебе, что сон,
«Жизнь» тобою наречённый –
Сыра вкус среди ворон!

Вороньё же то, гляди,
Суть все помыслы твои.
Коль накормишь ты какую -
Ей тебя, считай, нести.

Проще, дурень, говоря,
Светлой быть должна мысль!
Как ты мир мозгами видишь –
Тем он будет для тебя!

Всё величие планет –
Словно призрачный мой свет,
Отражающийся бликом
На воде уж сотни лет.

И хоть много нас живёт,
Каждый видит что речёт.
Нет среди людей согласия;
Всяк по своему печёт

Своей жизни круглый блин,
У кого какой уж клин,
Кто какого Карабаса
Поселил среди Мальвин.

Потому ты, Пантелей,
Будешь счастьем людей
Век служить свой до кончины,
и довольству всех зверей!

Знай теперь: коль что решил,
В сердце замысел зашил –
Он волшебным лунным светом
Сразу же, считай, ожил!

И явится во плоти,
Всё, что, дурь твою ети,
Головой своей дурною
Сможешь воспроизвести».

Услыхал Пантелеймон,
За вихры схватился он,
И лишь ворон, хрипло каркнув,
Да за дальний за кордон

Полетел волшебной вестью,
Обнося лесной народ,
Что Пантелеймон теперь наш

Всем полезность принесёт.

А Луна, чуть только Слово
Замерло, так стала снова
Вроде бы самой собою,
Деревенскою луною.

И пошёл к себе домой
Пантелей едва живой,
А из чащ лесных окрестных
Нескончаемой рекой

Звери, птицы, рыбы, гады
Поспешить уж были рады
К Пантелееву порогу
Излечиться понемногу.

Люди с дальних поселений,
Не щадя больных коленей,
На ногах, на костылях,
Шли за чудом в тех краях.

Ранним утром баба Маня,
Причитая и горланя,
Изумлялась на народ,
Что столпился у ворот.

Лишь кружился хрип ворон:
«Вон он, чудотворец, вон!»
А на старом на крылечке,
На скрипучей на дощечке,
Шикая на тех ворон,
Щурил глаз Пантелеймон.

(с) 18.09.07, поезд «Питер-Ижевск»

Вертикруть души в природе

Мама, Господи, как не хочу я в школу снова!
И эти треники со штрипками, что ноги вечно натирают в кровь!
Зачем опять? Что эдакого да такого под Солнцем я не видел?
Пелёнки, сопли, пенка молока, разбитая на переменке бровь...

По новой тупо биться над любви пустым вопросом.
По новой разбивать коленки и лазить по ветвям дерев.
Вся эта карусель изрядно притомила,
и уж внутри сидит, тоскливо вздыхая, подбородок подперев.

Ну чё, опять? Ещё петлю, Светильник Времени по кругу облетая мотыльком?
Ещё один Прыжок средь звёзд на вдохе, затяжной?
Я только лекций по тетрадкам столько записал, что всей планете хватит
В бумаге той зарыться, усердно изучая труд напрасный мой.

К чему? К чему опять на химии просиживать штаны?
К чему за «двойки» получать по заднице линейкой снова?
Так Истина стара! Так Жизнь извечно молода и нова!
Дымится ум в попытке обуздать
Безумный танец сновидений Хаоса, но снова

На Гаутаму каждого своё найдётся Древо Бо.
Для каждого Христа в купели вечной
Сияют ровными рядами новые кресты.
Всё так давно...
Так до конца.. по горло.. до икоты!
Три литра марганцовки в стонущий желудок и на дно!

О, мама, Господи, как не хочу я на своих двоих топтать дороги!
Ну почему я не могу на крыльях светоносных над землёй лететь?!
Судьба – испортить карму изначально
Куском несвежей ветчины «по рубль тридцать пять», и охренеть

В зародышевой позе, штанами спущенными пол облобызав
Общественного грязного сортира.
И вроде нет вины: «Простите, дяденька, не знал!», ан нет такого мыла,
Чтоб душу оттереть от пятен окровавленной свиньи!

Лети, офонаревший свистопляс,
Каурой сивки завещание, потрёпанная бурка!
Плевком из темноты пропахшего борщами переулка
Летит нам вслед из глубины веков
Избитый молью дедушкин наказ,
Одиннадцатая от Моисея заповедь немая:
«Какой дорога к Богу не кажись – она всегда прямая!»
Прямей не будет, сколь шеей не верти!

И если не сейчас, то никогда!
Захлопнется клетушка,

Засовами архангел проскрипит,
По всем статьям срок наматает, заикаясь, чёртова кукушка.
Узрев рассвет, петух заверещит.

И в день второй, по августу считая,
В год семьдесят второй двадцатого столетия
Я снова, как впервые, на мир глазами гляну,
Кондуктором родившись среди счастливого кошмара безбилетия.

И мама с папой опять дождутся срока,
И я, пытаюсь выплюнуть из пасти Первое по этой жизни Слово,
Произнесу, рукою подперев сопливый подбородок:
«Ох, мама, Господи, как не хочу я в школу снова!»

(с) 16.07.07, самолёт «Питер-Красноярск»

Гений

Ища вселенский образ красоты,
Ты обрати свой взор в заплёванные стоки,
Среди окурков, здесь, в грязи, на дне,
Узри великого поэта пламенные строки.

Признание народов, шедевры Эрмитажа,
Рукоплескания известным кутюрье –
Ничто в сравнение с малюсенькой снежинкой,
Что нежно приземлилась на моём воротнике.

Так Дух своё могущество великим открывал.
Так Леонардо чудо увидал, прозрев, среди плевков на стенах.
Так остов, обгоревшие останки сохшихся деревьев
Архитектуру готики рождали в очищенных умах.

Не будь глупцом, не бегай за толпою,
С раззявленными ртами взирающей на чушь.
Остановись, взгляни под ноги, где осенний дождь
Великого Художника великолепии являет,
Рисуя безупречные круги в сиреневом оттенке луж.

(с) 27.08.07, самолёт «Калининград – Питер».

Крест и чаша

Судьба у каждого своя,
Своя сума, своя дорога.
Кого-то обняла тайга,
А кто-то по пол года в море.

Дела у каждого свои,
Свои следы и узы Кармы –
Удел мозолистой руки
Иль совести на сердце шрамы.

Столь разные мы все, на первый взгляд,
Воистину несём один и тот же крест с Голгофы,
Одну и ту же Чашу Боли пьём из века в век,
Всё так же грудь сосём у Матери Природы.

(с) 27.08.07, самолёт «Калининград – Питер»

Одна беда – кругом лишь «я»

В куличики играть с руки,
Когда песочница без края.
Хоть верещи, но кроме рая,
Здесь не видать больше не зги.
Никто лопатку не отнимет,
Никто на голову песок
Не сыпанёт, не опрокинет
Ведёрко и совочек. Шок
Не испытаешь ты душою,
Когда кругом ОДНА она.
И с этим всем одна беда:
Не тронуться здесь трудно головою!
Шиза опять к услугам: «Вот и «я»!»
И вот уже нас двое или трое,
И глюки понеслись по кругу,
И вновь набрав в шприцы Вакцину Просветления,
Сам за собой гоняюсь медсестрою. С дуру
Тотального родства не одолеть!
И пусть болезнь относительности – плеть,
А вирус жизни садомазохичен,
Я от себя опять отличен,
И вновь мне есть кому со сцены петь!

Касты

И сигали с веток, и строили шалашики мы,
Храбрость свою оттопыривая косичками одноклассниц.
И трудиться лопатою учили нас во имя славной нашей,
Не принимая в расчёт среди нас от века живущих разниц.

Что, коли ты – голова: чти мысли свои и Слово множи,
И таланты, дары, подарённые Небом, на землю являй!
А коли ты – руки: руководи, управляй, защищая
Всё тело наше. От невзгод его охраняй!

«Главное в войнах – это снабжение!»
- в шутке сей доля Истины верная дышит.
Животом в организме вся сила и мощь доставляется.
Без него и рукам не подняться, и голова Гласа Неба не слышит.

На ногах же всё тело стоит.
Всё поддержат. Во всём свою долю внесут.
Коли ноги слабы – голова скоро скатится с плеч,
Станет хилым живот, да и руки ослабшие беды всему принесут.

Так и мы, супротив под гребёнку одну бескозырке,
Всё ж имеем от детства на каждого статус по касте:
Иль ты браман, иль кшатрий, иль вайшья, иль шудра по жизни
- занимайся своим, и не лапай в Игре не по масти!

Жаль, что пришлось самому мне пол жизни потратить
Только на то, чтоб узнать, кто такой я, и чем же обязан в миру заниматься.
И печально смотреть на таких же, подобных, за партою следом сидящих,
Где головушка, ноги, живот и ручонки пытаются той бескозыркой
Меж собой уровняться.

Между тем, бескозырка сия не в политике строя общественного пребывает.
Социально постриженный ум не найдёт по инструкциям сути ответа.
Только Бог всех ровняет, во тело Свое принимая всё части едины,
да осознанность разума будет причиной, какою ты частью рождён
От Всеобщего Света.

(с) 31.03.08, поезд «Ниж. Новгород – Питер»

Близорукость жизни

Было бы чем, я бы отмазал
Каждое сердце от близорукости!
Но, как известно, вдвое пересказанное
Не приживается в виду своей сухости.

Трепет речевого зависит от опыта.
Не книжками прочитанными Сила является.
По граблям своим пока не попрыгаешь –
Палуба, точняк, сама не отдратится!

И плывут пароходы трубами дымными,
Пестрят газеты заголовками яркими,
А всё одно – грязь! И по лужам прыгает
Человеческий детёныш, штаны с ляжками.

И все фантазии его – пароходы железные,
Мудрость мира вся – в «жёлтой» газете!
Поел, поспал, защитился, размножился,
Да удивился печально в последнем привете.

(с) 31.03.08, поезд «Ниж. Новгород – Питер»

Страховка прибежища

За плечи спальник, по всему смекнуть:
Убежищем от правды не укрыться!
Трезвонят по земле колокола слепых,
Чей дух в трактирах огненной водой не упоится.

В тетрадках стусевалась суть твоих стихов,
Что чистым сердцем в детстве отписалась.
Стошнит невежеством тебя среди судорожных снов,
Страховка куполов церковей при свете дня не оправдалась.

Не умолчит зима: метель в твой адрес плачет!
Почувствуешь спинным, что дело к якорям!
И примется тузить по рёбрам совесть,
Что делал, как велели, а не шарил сам.

Смазливо обещание спасения,
Недорого по ценнику грешное откупить.
Да только ангел договоров не приемлет!
И Чашу Боли тебе вновь придётся пить,

Родясь во чреве, криком воздух сей отведасть,
И усмотреть за кругом новый круг!
То – второгодника симптом: коль главного не ведать,
То в новом теле старый плуг тебе тянуть!

В штывки на Царствие Небесное кидайся!
Нет фобии огня, в ком пламень сердца есть.
Пусть хруст костей хронометром послужит
В оценке времени недогонявшим Весть!

Структура пламени того отбрасывает тени.
На тиховодье каждого ума бликует волшебство.
Покинь убежище, ищи Источник Света,
А не защиты, куполами прикрывающей Его!

(с) 31.03.08, поезд «Ниж.Новгород –Питер»

Чайная церемония

Я живу на замшелом балконе,
Умываясь закатом, пою.
В песне той нет ни слов, ни мелодии.
С Богом я так душой говорю.

Я хотел лишь прожить свою жизнь
Мимо тех, кто осел вдоль дороги.
Я хотел прочитать по трамвайным билетам
Свой номер в воскресном лото!

Жить сквозь вещи, как травы в асфальте,
Подниматься плющом по стенам,
Винной пробкой скакать по бурлящим порогам,
Раздарить своё сердце друзьям!

Сделать жизнь их чуть-чуть веселее,
Чуть мгновение улыбки продлить.
Я учился тому в час ночной на балконе,
Где немало пришлось пережить.

Осторожно, как кот по карнизу,
Шаг за шагом, под чай с чабрецом,
Находили мы общий язык со вселенной,
В тишине, убаюканной сном.

Так рождались стихи на рассвете,
Важных, точных вопросов тропа,
Бесконечно бегущая среди деревьев
Моего хитроумного «я».

И покаяться надо бы мне,
Что, подчас, не вникая в беседу,
Драгоценный ответ пропустив мимо уха,
Как мальчишка влюблённый сиял,

Утонув в глубине глаз Того,
Кто со мной на замшелом балконе
Под печенье и сушки в извечной беседе
Мой жизненный Путь коротал.

(с) март 2008